

АЛЕКСАНДР ПЕТЯКОВ

Колобок

Александр Петряков

Колобок

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21382138
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

В отличие от других произведений данного жанра книга Александра Петрякова «Колобок» не содержит сцен жестокого насилия, убийств и прочего негатива. Герой книги – молодой спортсмен, промышляющий грабежом и воровством денег и драгоценностей у женщин. При этом он пользуется у них успехом и добивается с некоторыми интимной близости. Благодаря смекалке, смелости и ловкости он постоянно ускользает от полицейских, поэтому они дали ему прозвище Колобок. Он вступает в связь с женой богатого владельца строительной компании и оказывается замешанным в ситуацию с крупным мошенничеством. В книге даны характерные портреты следователей уголовной полиции и их осведомителей, а также различных персонажей, ставших жертвами Колобка. В соответствии с жанром в книге описаны следственные мероприятия, погони, допросы и так далее, а также частная жизнь персонажей в различных ее проявлениях.

Содержание

1	4
2	10
3	17
4	25
5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александр Петряков

КОЛОБОК

Веселый и эротичный детектив без трупов и крови

1

Маша повернулась на спину и проснулась от ощущения чего-то холодного и липкого. Она приподняла веки, но никого рядом не обнаружила. Девушка хорошо помнила, что познакомилась на дискотеке с двумя молодыми людьми, которые вызвались проводить ее до дома, но возле парадной один из них куда-то подевался, а с другим она поднялась по лестнице до двери своей квартиры. Маша не хотела его впускать. У нее был жених, у которого был ключ от ее квартиры. И поэтому боялась, что он там. Но этот парень (как же его звали?) очень нагло вломился вместе с ней в квартиру и сразу же быстрым движением засунул руку куда не надо. Но она не хотела сегодня никакого секса. Вырвалась и сказала, чтобы убирался. Но он и слушать ничего не хотел. Поднял на ру-

ки и понес в постель. Что тут поделаешь? Она, конечно, сопротивлялась, грозила, что будет кричать. Но молодой человек оказался очень решительным: зажал рот и содрал джинсы вместе с трусиками. Соппротивляться уже не хотелось.

Интересно, уже утро или еще ночь? В голове все перемешалось, и от выпитых в клубе коктейлей во рту стоял гадкий привкус. И тут она услышала, как после двух щелчков открывается входная дверь. Маша натянула на грудь и лицо одеяло, и краем глаза, с ресниц которого опадала черная пыльца засохшей туши, стала наблюдать за дверью комнаты. Кто это? Жених Юра или насильник? Появился Юра. Что делать? Закутаться в одеяло и бежать в ванную? Повинуясь этой мысли, вскочила с постели и тут же увидела на простыне влажное пятно. Рывком бросила на постель халат и побежала в ванную.

– Привет, – бросила на бегу жениху, – я сейчас.

Он как-то подозрительно, как ей показалось, на нее посмотрел, а она проскользнула в ванную, встала под душ и стала смывать с себя последствия ночного вторжения неизвестного мужчины. Когда вышла из ванны, то обнаружила жениха на кухне, где он наливал в стакан водку из запотевшей в холодильнике бутылки.

– Ты чего? – спросила она.

– А чего? – сказал он.

– Да ничего, чё ты водку хлещешь?

– Чем бы ни заниматься... А ты, гляжу, время зря не те-

ряешь.

– Что ты имеешь в виду?

– Сама знаешь.

– Чё, и на дискотеку нельзя сходить, что ли?

– А пришла с дискотеки с кем?

– Да ни с кем.

– Как же ни с кем. Носки-то под кроватью не мои.

– А чьи?

– Вот уж не знаю. Это у тебя спросить надо. Да и ботинки у меня не сорок пятого размера.

– Какие ботинки?

– Никакие. А вот следы в прихожей сорок пятого размера.

– Ты чё? Ку-ку?

– Ага. Ку-ку. Чужие яйца высиживать не собираюсь.

– Ты чё, совсем с головы съехал? Какие яйца?

Маша вышла в прихожую и с ужасом увидела грязные следы на линолеуме. Что теперь делать? Улики налицо. А если он увидит пятно на простыне? Она вошла в комнату и поняла, что так оно и вышло. Юра стоял у кровати и держал в руках ее шелковый цветастый халат. И смотрел туда, куда не надо. Придется признаваться, подумала она, но решила продолжать отпираться.

– Ну и чё ты туда пялишься? – Она вырвала у него из рук халат, сорвала с постели простыню и ушла в ванную. Там она надела халат и застирала простыню. Все следы ночного приключения, кроме следов от ботинок были уничтожены.

Она взяла тряпку и вышла в прихожую.

Там стоял неумолимый Юра. Но его виду и настрою лица Маша поняла, что он готов покинуть ее навсегда. Поэтому она сказала:

– Не хотела тебе говорить, чтобы не расстраивать. Но я не виновата. Меня изнасиловали.

– Кто?

– А вот не знаю. Меня двое провожали. Потом один отстал, а другой увязался. Ты юрист, вот и разбирайся.

– Не морочь мне голову. Я тебе не верю. Ты что, не помнишь, как он выглядел, во что одет, не спросила, как зовут?

– Помню, а вот как зовут, не спрашивала. И вообще: если ты мне не веришь и не хочешь разобраться, я вызываю милицию.

– Валяй. А я ухожу.

– Как это ухожу? Ты ж свидетель.

– Чему я свидетель? Разве я со свечкой, как говорится, стоял? Да ты к тому же все следы насилия уничтожила.

– А это что? – Она показала на следы в прихожей, которые она минуту назад хотела вытереть тряпкой. Маша швырнула ее в угол и решительно направилась к телефону.

Когда в дверь позвонили милиционеры, Маша была уже одета в джинсы и облегающую футболку и красила губы. Юра, угрюмый и насупленный, сидел на кухне и приканчивал бутылку, меланхолично жуя соленую черемшу.

Рыжий следователь, взмахивая прозрачными на вид рес-

ницами, приняхиваясь, вздрагивая крыльями красного мясистого носа, прошел в комнату, осмотрел, сел за стол и раскрыл папку.

– Рассказывайте, – сказал он, и затем, обращаясь к помощнице, – снимите отпечатки.

Долговязая девица с выступающей вперед челюстью уже и без этих слов занялась своим делом, открыв чемодан со своими принадлежностями.

– Скажите, – обратился следователь к Маше, – у вас ничего не пропало?

– Я не проверяла.

– Ну, так, на первый взгляд. Деньги, драгоценности.

Она подошла к туалету из красного дерева, где в одном из ящичков она хранила свои украшения. И когда открыла его, схватилась за голову. Ящичек был пуст!

– О Боже! – Вскрикнула Маша. – Все пропало!

– Ну вот, – с удовлетворением сказал следователь, – составьте список пропавших вещей, мы внесем это в протокол.

Маша стала писать на чистом листе перечень украденных драгоценностей, и слезы капали на бумагу, оставляя на ней свои соленые следы. Особенно жалела о пропаже кулона с бриллиантом и сережек из белого золота, тоже с бриллиантами.

Следователь составил протокол и предложил Маше поехать на экспертизу. Для порядка. А вообще был уверен, что это «глухарь». Так на языке милиционеров и следователей,

как известно, называется нераскрытое преступление. Действительно: улики никаких, кроме грязных носков под кроватью и следов от обуви, а все прочее уничтожила сама потерпевшая. Зацепится тут не за что, разве что отпечатки окажутся в компьютерной базе. Что маловероятно, потому что, судя по всему, никакого насилия тут не было. Банальная история. Привела с танцев парня, а когда явился жених, решила таким образом оправдаться. Но, похоже, жених в это не верит. И правильно делает.

Машин жених, юрист Юрий Павлодаев, тем временем отправился в офис, где служил юрисконсультom в строительной фирме, которой руководил его родной брат Максим. Фирма строила жилые дома на деньги будущих жильцов. Торговля недвижимостью приносила солидную прибыль, и брат Максим, как говорится, процветал и срывал все доступные ему цветы жизни. Павлодаевы имели кавказские корни, и старший брат был пронырлив, активен и умел постоять за себя. А младший, Юрий, Машин жених, родившийся и выросший в северной столице, был подобен тепличному растению. Он так и не сумел, несмотря на все старания его матери, вписаться в северный пейзаж. Ему были чужды забавы сверстников, особенно зимние. В детстве, когда ребята околачивали снежками сосульки или рысили по реке на лыжах, он зяб в квартире, смотрел телевизор или читал книжки. Словом, жил в этом городе застенчивым гостем.

Зато его брат был в полном смысле хозяином жизни. Крепкий, упитанный, коротконогий, он самодержавно восседал в своем директорском кресле. Уверенность и довольство читались на его лице, когда он подписывал бумаги или бросал короткие фразы в телефонную трубку. Свою секретаршу Светлану он всегда встречал похотливым взглядом, и на его губах появлялась глуповатая ухмылка. Он развлекался

с ней не у себя в кабинете, как чаще всего делают его коллеги, а ездил к ней на квартиру, благо та жила одна, снимала жилье, потому что приехала в Питер из Любани. Максим взял к себе юрисконсультом брата, и это было хорошо во многих отношениях. Первое: родственник трудоустроен. Второе – удобно и безопасно в смысле конфиденциальности. Все секреты в семье. А секреты были. Договоры с потенциальными жильцами заключались на очень выгодных для фирмы условиях, и с такими юридическими подвохами, что даже если они окажутся обманутыми, фирма особой ответственности не несла. Хотя Павлодаеву незачем было обманывать ожидания дольщиков. С поставщиками стройматериалов Павлодаев младший составлял очень толковые договоры, по которым товар приобретался по низким и стабильным ценам. И это тоже хорошо. Еще один способ добывания прибыли лежал в другой плоскости – банковской. Иными словами, деньги дольщиков «крутились» и обрастали процентами, как брошенная в цистерну с молоком деревяшка обрастает в пути вкусным и свежим сливочным маслом. Обещанные сроки окончания строительства поэтому переносились на год или даже два, и это было, конечно, мошенничеством. Жаждающие скорого заселения дольщики от этого страдали, но поделать ничего не могли, потому что договоры предусматривали задержки строительства по объективным причинам.

Жена Максима, Наташа, как многие супруги богатых людей, была домашней хозяйкой, и все свое свободное время

отдавала уходу за своим телом и походам по модным бутикам. Обычное дело. Вставала поздно, часами проводила время в ванне, где холила свое роскошное тело. Наташа была рыжей и белокожей, среднего роста, с широкими, влекущими бедрами и большой, четвертого размера, грудью, украшенной мелкими веснушками. После омовений и процедур любила ходить по дому в коротком атласном халатике без нижнего белья. Это было удобно и в то же время слегка возбуждало. В один из таких дней, когда она лежала в гостиной на белокожем диване и просматривала журнал мод, раздался звонок, и она пошла открывать дверь в развевавшемся при каждом шаге халате, думая, что это муж. Он иногда заезжал в течение дня, чтобы перекусить. Но за дверью, когда она ее распахнула, стоял незнакомый крепко сбитый молодой человек очень приятной наружности. Он сказал, что доставил неоплаченную бандероль. И если она хочет ее получить, пусть заплатит пятьдесят три рубля двенадцать копеек. Она впустила его, и когда закрывала дверь, халатик распахнулся, и у почтальона заблестели глаза. Наташа усмехнулась и пошла в гостиную за деньгами. Мелких денег не было, она взяла пятисотрублевую банкноту и подала молодому человеку. Он криво улыбнулся и сказал, что у него нет сдачи. Уловив его похотливый взгляд, она покраснела и сказала, что у нее других нет, и чтобы он зашел завтра. Не желая непредвиденного развития событий, она указала ему на дверь, и когда он ушел, почувствовала себя очень возбужденной. И, когда

час спустя, пришел Максим, она набросилась на него, к его удивлению, прямо в прихожей. Они даже не добрались до спальни, устроившись на белом кожаном диване в гостиной.

На другой день примерно в то же время раздался звонок, и Наташа посмотрела в глазок. За дверью стоял давешний почтальон, но не один, а с высоким и очень симпатичным молодым человеком. Открывать или нет? Она была в мужниной клетчатой рубашке, и решала, пойти ли ей переодеться, или вообще не открывать. Очень ей нужны эти бандероли. Но дверь она, конечно открыла. Такие симпатичные мальчики... Такие возбуждающие...

Они вошли, почтальон положил бандероль на столик и стал снимать куртку. А его приятель, ни слова не говоря, приступил сразу к решительным действиям. Он взял ее на руки и отнес на диван, затем, благо она была без нижнего белья, моментально (и когда успел возбуждаться?) ею овладел. Она хотела закричать, но не успела, потому что почтальон закрыл ей рот. Кричать уже не хотелось. «Если тебя насилюют, – пронеслась у нее в голове женская аксиома, – расслабься и получи удовольствие». И через минуту Наташа стонала от страсти и получала удовольствие, какого не знала ранее. Сделала вывод, что экстремальный секс дарует подлинное наслаждение.

Но когда все закончилось, она осознала, что ее изнасиловали. И это взывало к отмщению. Но как отомстить? Вызвать милицию? Но тут вполне ясно, что делать это совер-

шенно бессмысленно. Их двое, и они сбегут, не дожидаясь милицейского наряда, который раньше, чем через час, вряд ли явится. Задержать их тут можно только обманом. И она решила все-таки вызвать милицию. Предложила парням выпить, поставила на стол бутылку виски и сказала, что пойдет в ванную. Все было классно, и она на них не в обиде.

Стоя под душем и глядя на мобильник, который краснел на стеклянной полочке, Наташа стала колебаться. Звонить или нет? И опять передумала, потому что сообразила, что смывает сейчас следы преступления. Когда вышла из ванной в гостиную, там уже никаких следов пребывания тинейджеров не было. Не оказалось на столе также бутылки виски. Она сильно удивилась. Неужели ей все это пригрелось? Однако в прихожей, на столике, лежала бандероль. Стало быть, они считают, что я расплатилась, возмутилась она. Неужели эти поганцы думают, что мне цена пятьдесят три рубля двенадцать копеек? Но воспоминание о случившемся приятном происшествии подавило в ней возмущение, и она успокоилась.

На другой день тинейджеры явились снова и спросили, понравилось ли ей проводить с ними время? Она ответила вопросом на вопрос: зачем они уперли бутылку, и вообще, почему смылись по-английски? Почтальон ответил, что торопились. А теперь у них есть в запасе целый час, и они хотят это время провести так же, как и вчера. Оба при этом ухмылялись. И опять, не дав ей опомниться, стали тискать

и лезть за пазуху. Она вывернулась и сказала, чтобы они были паиньками. Взяла их за руки, как школьников, и отвела в спальню. На этот раз она получила гораздо больше удовольствия.

Когда мальчики ушли, не дав внятного ответа, когда придут в следующий раз, и придут ли вообще, она задумалась. То, что она изменяла мужу, ее мало волновало. А вот если они поселили в нее спирохету или СПИД, это уже серьезно. Надо сдать анализы, решила она. И еще, подумала Наташа, надо будет вечером заглянуть к Ирине Романовне, которая жила двумя этажами выше. Ирина Романовна была одинокой женщиной и работала судьей в районном суде. Она всегда ласкающим взглядом смотрела на Наташино декольте, когда она приходила к ней попить чайку. Странно, что с этой полной и некрасивой женщиной у Наташи сложились очень доверительные отношения, и она всегда с ней советовалась по всяким житейским делам. Болтали они, конечно, и о мужчинах, хоть Ирина Романовна эту тему не поддерживала. Этот случай нечаянного прелюбодеяния Наташа решила поведать соседке от третьего лица.

Но прозорливая Ирина Романовна, когда Наташа пришла к ней вечером и рассказала описанную историю, сразу поняла, что тут не все чисто, и наводящими, хитро поставленными вопросами (не забудем, что она была судьей), принудила Наташу признаться, что героиней этого рассказа была она сама. Ирина Романовна посоветовала Наташе познакомиться-

ся с этими мальчиками поближе (да уж куда ближе, хмыкнула Наташа) и выяснить их имена и фамилии.

Борис Ильич Вагинсон, гинеколог, принадлежал к тому типу людей, которые нигде и никогда не теряют своей выгоды. Он работал одновременно в поликлинике, стационаре, институте и экспертом в уголовной милиции. Он уважал свою профессию не только из-за зарплаты, но и потому, что страстно любил исследовать глубины женской натуры. И некоторые благодарные пациентки вознаграждали его с помощью тех органов, какие он исследовал и успешно лечил. И не удивительно: Борис Ильич был молодым жгучим брюнетом выше среднего роста.

В тот день, когда на предмет экспертизы по поводу изнасилования в его кабинет пришла Маша, у Бориса Ильича было очень хорошее, и даже игривое, настроение. Усадив пациентку в специальное, хорошо знакомое всем цивилизованным женщинам, кресло, он замурлыкал какой-то приехавший в голову модный мотивчик, и, вооружившись инструментами, приступил к работе. И выяснил, что половое сношение имело место быть, но очень сомнительно, что оно было насильственным. К этому выводу его подвигли опыт, совмещенный со знаниями специалиста в этой области медицины. Что ж, подумал он, девочка блефует с корыстными целями, и этим не грех воспользоваться. Такое в его практике случается не впервой. Если дама была хорошенькая и игри-

вая, он без особого труда договаривался о приватном свидании в обмен на нужное заключение. Бывали случаи, когда справка обменивалась на пухлый конверт, и это было основополагающим стимулом в его работе. Правда, основной доход ему приносила работа в клинике, где он успешно и без ошибок (ни одного пока неудачного случая) прерывал беременность без всякой боли.

А сейчас он с лукавой усмешкой посмотрел на Машу и сказал:

– Ну а теперь расскажите, как все произошло, и какие меры принуждения применил преступник.

– Пистолет, – сказала Маша, – он приставил мне пистолет вот сюда, – она показала на свою грудь, слева, где сердце, при этом как бы случайно расстегнула верхнюю пуговицу блузки.

– Понятно, – ответил Борис Ильич, – это вы расскажете следователю, а по моей части все чисто. Никаких следов насилия я не обнаружил. Половой акт имел место быть, но, по моему заключению, не насильственный.

– Как это? Выходит, я вру?

– Не знаю. Пусть следователи разбираются. Мое дело – экспертиза.

– И вы эту ерунду напишете в справке?

– Могу и другую ерунду, – рассмеялся врач.

– Да уж лучше другую, – она поняла намек и тоже разулыбалась.

Чтобы подтвердить свой интерес, Борис Ильич подошел к

Маше и указательным пальцем провел по очертаниям бюстгальтера.

– Ага, – сказала Маша, – значит, вы хотите пригласить меня на свидание.

– Если вы не против.

– А справка?

– Само собой. Если свидание пройдет успешно.

Встреча состоялась уже вечером в подвальном ресторане, утонувшем ниже асфальта метра на два. Из маленьких окошек были видны только обувь прохожих и пыль. Душиновато и неуютно. Стеклянные столики и шелест на них бумажных салфеток от повешенного под потолком уродливого вентилятора. Шепотливые тайны ветра. Букетик рысящих от дуновений фиалок, блудливые края салфеток, мечущиеся на руках спутника черные волосы, щекотка от легкого движения шарфика на шее и приятное течение по декольте возбужденного воздуха.

Пили шафранового оттенка шампанское, выгрызали ластящихся к языку устриц. Борис Ильич игриво шутил на темы своей профессии. Помните, говорил он, в сочинении Гоголя «Мертвые души» Собакевич извещает собеседника, что устрицу он и в рот не возьмет, он знает, на что она похожа. В чем тут юмор, Маша не вдруг поняла.

Неуютное пространство полупустого зала, шелковистая мелодия скрипок, идущая из черных, под потолком, квадратов репродукторов, стук каблуков официанток по сирене-

вым плиткам пола. Скука смертная. А ведь еще предстоит оказание сексуальных услуг этому горбоносому гинекологу, и она подумала, что не слишком ли это высокая цена за возможность доказать жениху свою мнимую целомудренность?

Когда они вышли из такси и направились к уходившему за высокие деревья дому, огороженному высоким чугунным забором, бросавшим ажурную тень на проезжую часть, она еще раз засомневалась: нужно ли ей идти в гости к Борису Ильичу, следует ли топтать таким способом тропу к святому семейному очагу? Ведь пока еще не поздно отказаться, повернуть назад и уйти. Она колебалась, но они уже вошли в большой освещенный двор с руинами фонтана и поломанными скамейками, бросавшими свои уродливые тени на неровную брусчатку. У парадной появился высокий человек, и его огромная тень скользнула по рыжей стене дома. Было ощущение просмотра кадров триллера, не хватало только зловещей музыки. Тень незнакомого человека застыла на стене, когда они подошли к входной двери, и оставалась неподвижной, пока гинеколог открывал ее магнитным ключом. Затем тень сломалась, и ее острые углы устремились к двери. Прямо Хичкок, подумала Маша, и в эту секунду рядом ними высветился хозяин тени – молодой парень в вязаной на голове шапке и темных очках. На плече его висела сумка, из которой торчали газеты. Он скалил сверкавшие на свету красивые зубы и явно намеревался пройти вместе с ними в открытую дверь. Борис Ильич хотел было что-то у него спросить,

но тот уже протиснулся в проем и сказал:

– Я почтальон. Спасибо.

Гинеколог удивился:

– Почтальон? Кто разносит почту в такое время?

– Я студент, подрабатываю. Раньше не получается, – парень с веселым хохотком продолжал излучать обаяние.

Борис Ильич неуверенно пожал плечами, и все трое вошли в парадную. Маше показалось, что она уже раньше слышала этот характерный хохоток, да и белозубая улыбка кого-то ей смутно напоминала.

Парень легко взбежал по ступенькам, ведущим на площадку первого этажа, открыл свою сумку, швырнул на пол пачку рекламных газет и затем очень быстро извлек цепь с двумя шариками на концах. Он продолжал скалиться.

– Это ограбление, – с тем же веселым смешком, – давайте-ка, господин ухажер, содержимое кошелька, а вам, мисс, эти сережки совершенно не к лицу.

Крашенная темной тусклой краской цепь в руках грабителя стала угрожающе вращать тяжелые шарики.

Борис Ильич инстинктивно попятился, потом по-рыцарски заслонил Машу и сказал:

– Не делайте глупостей, молодой человек.

И тут Маша пронзительно завизжала. Грабитель стремительно сбежал по ступенькам, ударил гинеколога по голове, и тут же закрыл Машин рот широкой ладонью. Стали открываться двери квартир на первом этаже, и молодой человек

быстро нырнул к выходу и скрылся. Борис Ильич присел на корточки, прижал руку к голове, а Маша снова закричала. Из ближней квартиры выбежал мужчина в пижаме и ринулся к захлопнувшейся двери парадной. Но грабителя во дворе уже не было. Его фигура мелькнула сквозь решетку и исчезла. На лестничную площадку тем временем выходили жильцы первого этажа и окружили сидящего на полу гинеколога. Маша попыталась выйти из окружения, но какая-то толстая женщина толкнула ее необъятной грудью и спросила:

– Это ты орала?

Маша, всхлипывая, рассказала, что на них напал этот парень. Сказал, что он почту разносит, студент, мол, подрабатывает. Тут же вызвали скорую помощь и милицию. Борис Ильич поднялся на ноги и попросил не вызывать никакой милиции и скорой. С ним ничего серьезного не стряслось, к тому же он сам врач. А сбежавшего уже не поймать. Он, понятно, не хотел огласки. Квартира, куда он водил женщин, была не его собственная, а съемная. Собственная у него тоже имелась, и там проживали, кроме него, жена и двое курчавых мальчиков, восьми и четырех лет. Поэтому ему очень не хотелось, чтобы эта история со съемной квартирой достигла ушей жены, которую по иронии, как говорится, судьбы, тоже звали Машей.

Но звонок прозвенел «Там, Где Надо» (незабвенный «Чонкин»!), а именно в энном отделении полиции Петроградского района, ибо происшествие случилось на Каменно-

стровском проспекте, каковой в советское время назывался именем красного губернатора Сергея Кирова. Так что машина следствия была запущена, и если даже Борис Ильич очень бы захотел добровольно покинуть место преступления, ему это попросту не дали бы сделать собравшиеся на лестничной площадке.

Первой приехала скорая помощь. Бориса Ильича его коллеги осмотрели, но ничего, кроме шишки на лбу, не обнаружили. Он остался дожидаться наряда милиции и дежурного следователя, каковые и подъехали минут сорок спустя, как уехала скорая.

Следователем оказалась женщина. Лет ей на вид было около тридцати, и особой красотой не отличалась, хотя была и по-своему привлекательна, – нежный овал лица, опущенные длинными ресницами карие глаза, но фигуру портили короткие ноги и вызывающе широкие бедра. Шажки у нее были быстрые и смешные. Ее помощник, флегматичный молодой человек, озирался на стены и морщил лоб. Он держал в руках серый чемодан, который не знал куда поставить, а потом пристроил на подоконник.

– Надежда Ивановна, – спросил он, – можно начинать?

– Да не торопись, студент.

Она весьма строгим взглядом обвела группу собравшихся на площадке соседей, а потом, приподняв бровь, кинула взгляд на Бориса Ильича.

– Значит, вы пострадавший, – обратилась она к нему, а

вслед кинула помощнику:

– Запиши адреса свидетелей и пусть покинут место преступления.

Когда люди рассосались по своим квартирам, причем их двери по причине любопытства остались не до конца закрытыми, Надежда Ивановна приступила к допросу потерпевших.

– Шарики на цепочке? Оригинал, нечего сказать. Акунина, видать, начитался, – следовательница писала протокол допроса, примостившись на ступеньке, подложив под себя те самые брошенные преступником рекламные газеты.

Во время допроса Борис Ильич очень нервничал. Он не хотел, как уже говорилось, огласки, поэтому говорил Надежде Ивановне, что лучше вообще уголовного дела не заводить, потому что все равно оно окажется «глухим». Но та усмехалась, качала головой и возражала, что рано или поздно так называемый почтальон где-нибудь да проколется.

Светлана Рязанцева, секретарша (по штатному расписанию – делопроизводитель) Максима Павлодаева была родом из Любани, и на выходные всегда приезжала к матери, если, конечно, шеф не просил остаться, чтобы заехать к ней, когда его жена Наташа делала в субботу визит своим родителям, жившим на другом конце города. Но такое случалось редко, и поэтому Света садилась в пятницу вечером на электричку, и через пару часов входила в скрипучую дверь небольшого, деревянного, крашеного охрой, родного дома. Здесь прошло ее детство. Мать Светы замужем никогда не была, да и не слишком к этому стремилась, в отличие от многих других женщин. Она ставила приоритет женской свободы выше семейного рабства. Мужчины, хоть и занимали в ее жизни не последнее место, однако никому из них не удавалось поселиться в ее сердце надолго. Дочку она родила, когда ей было уже далеко за тридцать. Ее бабка была, как тогда говорили, ворожеей, причем потомственной (ее мать, любанская мещанка Пелагея, привлекалась полицией по обвинению в колдовстве). Ну а мать Светы, Вера Олеговна, говорила, что бабка передала ей все секреты ведовства и гаданий. У Веры Олеговны был спрятанный за занавеску старинный книжный шкаф, где стояли потрепанные, изданные до революции, книги по магии. Тусклое золото их корешков тонуло

в глубине полок, которые служили также пристанищем сотен всяких баночек и мешочков, где хранились всевозможные сушеные травы, а также те самые колдовские предметы, какие обязаны быть у всякой ворожеи. А это, если читатель смотрел фильмы о колдуньях, вещи странные и всегда вызывающие пугливое любопытство, – змеиная кожа, к примеру, сушеные жуки, какие-то косточки, спутанные клубочки выпавших волос, куриные лапки, свиные копытца и все такое прочее.

К услугам Веры Олеговны прибегали не только местные жители, к ней приезжали и из Питера. В основном, конечно, женщины, которые хотели приворожить того или иного мужчину. Но были среди ее клиентов и представители сильной половины человечества. Помогало ли обрести счастье шептание на воду и сделанные неизвестно из чего порошки, сказать утвердительно никак нельзя. Но если обстоятельства складываются так, что мечта клиентки сбывается, то авторитет гадалки растет, а вместе с этим растет и число тех, кто хочет повернуть фортуна к себе лицом.

Так что, когда приехала дочь, Вера Олеговна была занята с очередной несчастной дамой, муж которой изменяет ей со своей секретаршей. Каково же было Светино удивление, когда из комнаты, где ее мать проводила встречи с клиентами, вышла Наталья Сергеевна, жена ее босса. Она тоже очень удивилась, увидав тут секретаршу мужа. От неожиданной встречи обе соперницы минуту разглядывали друг дружку,

соображая, как они могли тут встретиться. Хотя, догадаться было не трудно, – обе женщины нуждались в помощи ворожеи, потому что одна из них была женой Максима Павлодаева, а другая – любовницей. Первой заговорила Света:

– Ой, Наталья Сергеевна, это вы?

– Да, Светочка, а вы тут тоже...

В это время появилась Вера Олеговна и, увидев дочь, обняла ее и сказала:

– Ой, доченька, а я и не услышала, как ты пришла.

И добавила, обращаясь к Наталье Сергеевне:

– Дочка моя, Светочка.

– Интересно. Ничего не скажешь. А я уж подумала...

Светлана перебила ее:

– Нет, нет, что вы. Мне не надо.

– Чего не надо? Ну да, конечно. Зачем тебе, если у тебя такая мама. Ну, я пойду, боюсь, на электричку опоздаю.

И она решительным шагом вышла. Света сначала подумала, что жена шефа приехала по ее душу, на разборку, но потом поняла, что это случайное стечение обстоятельств. Но почему она приехала в Любань? В Питере достаточно гадалок и экстрасенсов. Может, она кому-то проболталась насчет занятий своей матери, и об этом узнала Наталья Сергеевна? Все было как-то непонятно.

Вера Олеговна между тем внимательно посмотрела на свою дочь и спросила:

– Ты ее знаешь? Это кто?

– Жена моего шефа.

– Вон оно что! Так это, значит, я на тебя порчу наводила! Господи, что ж это я натворила! Ну-ка, раздевайся и пошли скорей, надо теперь с тебя порчу снимать. Господи, что же делается на белом свете!

Света относилась к занятиям матери с иронией, если не сказать больше. Она едва ли всерьез верила, что все эти заговоры, шептания, травки и порошки могут как-то повлиять на ход человеческой судьбы. Она верила, что не только браки, но и разводы, происходят на небесах. Иногда она заходила после работы в храм, ставила свечи и молилась, читая про себя текст, написанный церковнославянским шрифтом под иконами. Мать же ничуть не сомневалась в своих способностях, и приводила сотни примеров, когда ее умелые действия приводили к нужному результату.

Света на этот раз покорно и без обычных пререканий пошла вслед за матерью в соседнюю комнату, где та усадила ее в широкое, покрытое разноцветной накидкой, кресло, зажгла свечи и стала чародействовать: покурила ладаном, сожгла какие-то травки, потом зашептала заговор и все такое прочее.

Наталья Сергеевна, между тем, тряслась в электричке и думала о том, что напрасно поехала в Любань по совету подруги, которой эта Вера Олеговна якобы помогла вернуть мужа. Теперь-то она поняла, что будет еще хуже, коль скоро соперница-то, оказывается, дочь гадалки. Теперь та такого

наворочит, что мало не покажется. Это несколько напугало, однако, ненависть к сопернице еще больше подогрелась этим обстоятельством. И в голове Натальи стал вызревать новый план. Ясно, что к гадалке она приехала зря. Устранять секрета ршу надо другим способом.

Когда Наташа приехала домой, муж в футболке и шортах лежал на кожаном диване в гостиной и смотрел телевизор, потягивая пиво прямо из бутылки. Другая, уже пустая, стояла на полу в соседстве с носками. На кресле висели рубашка, пиджак и галстук. Наташа терпеть не могла этой мерзкой привычки Максима разбрасывать свои вещи, где попало. И сразу пошла в атаку:

– И когда только ты перестанешь устраивать бардак? Мало в доме шкафов? Неужели трудно повесить одежду на плечики? А уж твои грязные носки меня просто достали.

На мужа эти привычные монологи никак не действовали. Он меланхолично сосал свое пиво и смотрел футбол. Но счел нужным огрызнуться:

– Если тебя это раздражает, возьми и убери.

– Я тебе что, прислуга?

Ну и так далее, пусть читатель сам представит дальнейший монолог жены, которая пилит мужа. Но, в конце концов, даже самый флегматичный мужчина не выдерживает. И Максим уже намеревался трахнуть об пол бутылкой так, чтобы стекло зелеными брызгами ударило по стенам, но тут раздался звонок в дверь. Наталья пошла открывать. По при-

вычке, глянула в глазок и обомлела. За дверью стояли почтальоны-тинејджеры. А ведь она говорила им, чтобы по выходным не приходили. Что делать? Открыть дверь? Так они сразу дадут понять мужу, зачем они сюда ходят. Нет, пусть открывает Максим, так они все поймут и уйдут.

– Там какие-то пацаны, спроси, что им надо, – сказала она мужу.

Максим увидел в глазок ухмыляющиеся, наглые и похотливые рожи, и спросил, кто там. Они ответили, что принесли телеграмму. Он открыл дверь, взял телеграмму, расписался, но мальчики не уходили и ухмылялись. Максим понял, что они ждут чаевых. Он крикнул жене:

– Наташа, расплатись за доставку, – и пошел в гостиную.

И, уже лежа на диване, услышал странную в прихожей возню и хихиканье. Потом хлопнула дверь, и в гостиную вошла Наташа с румянцем на щеках. Происхождение такого раскраса на лице своей супруги ему объяснять было не нужно. Ну и ну, подумал он, неужели ее на юнцов потянуло? Максим усмехнулся, и ему в голову пришла шальная мысль. Обыкновенно жены прячут любовников в шкаф от своих мужей. А не спрятаться ли мужу в шкаф, чтобы застукать жену на месте преступной измены?

В кабинете следователя Игоря Андреевича Макарова сидела знакомая нам Надежда Ивановна, курила и вываливала кучу сплетен о начальстве.

– Что и говорить, – вздохнул майор Макаров, – коррупция достигла опасного предела. Ладно, что там у нас с мелочовкой?

Надежда Ивановна рассказала о нападении на гинеколога и Машу, при этом обратила внимание начальника, что эта самая девица проходит по явно дутому делу об изнасиловании. По ее мнению, не случайно она оказалась с врачом-экспертом. Ей надо было от него, чтобы он подтвердил факт изнасилования, которого, ясно, как Божий день, никакого не было.

– Да, – подтвердил Макаров, – похоже, девчонка блефует. А врач описал преступника?

– В общих чертах: высокий, длинноногий, одет во все черное, лет на вид двадцать. На цвет глаз не обратил внимания, лицо описывает как узкое. И еще он, да и соседи подтверждают, что по двору преступник бежал невероятно быстро, как спортсмен на соревновании, со скоростью мотоцикла. При этом как будто лязганье какое-то слышалось. А вот девчонка чего-то не договаривает. Мне показалось, она с преступником знакома. Или, может, видела его где-то раньше. Мне так

кажется. Потому что она, якобы от страха, ничего не видела: ни как он был одет, какого роста и вообще никаких особых примет. Заметила только, как шарики мелькали у него в руках, и все.

– Зацепки есть?

– Немного. Вся надежда на соседей.

– Ну, работайте, Надежда Ивановна, работайте.

Когда она ушла, Макаров почесал затылок, подошел к сейфу, открыл, вынул оттуда початую бутылку коньяка и налил в стакан на четверть. Выпил и закурил. Зазвонил телефон.

– Привет, Юра – сказал в трубку Игорь Андреевич. – Через полчаса? Да, буду у себя, подъезжай.

Звонил младший Павлодаев, с которым у Макарова давно сложились дружеские отношения. Он оказывал ему некоторые услуги. Ох, не безвозмездно! Майор вздохнул и покачал головой. Вот ведь проклятая работа! Сплошной соблазн. Хотя, если посмотреть с другой стороны, то почему бы и нет? Он скачивал Юре нужную ему информацию, и от этого никто не подвергался никакой опасности. Хотя, конечно, если вдуматься, это не совсем так. Ну вот, к примеру, Юрин брат покупает кирпич по низкой цене у господина Н.Н. А почему? Потому что сын господина Н.Н. находится под следствием по обвинению в хранении и сбыте наркотиков. И в его, майора, власти, это дело закрыть за недостатком состава преступления. Правда, сын господина Н.Н. наверняка возьмется за старое, и от его уголовно-наказуемых действий мо-

гут пострадать невинные люди. Вот такая тут складывается сложная причинно-следственная связь. А дальше выстраивается обычная цепочка пострадавших: конкурирующая фирма, которая не имеет возможности покупать стройматериалы по низким ценам, покупатели квартир, переплачивающие за свое жилье, наркоманы и их жертвы и т. д.

Майор вздохнул и стал просматривать бумаги. Когда пришел Юра, он изучал заявление потерпевшей от изнасилования и показания ее соседей. Юра устало сел на стул, протер глаза и покачал головой. Было видно, что у него неприятности.

– Ну, и видок у тебя, – сказал Игорь Андреевич, – стряслось что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.